

На улице царила суэта, Гу Чэнь, покачивая тыквой-горлянкой с вином, снова направилась в ту самую таверну. Однако сегодня в заведении было особенно оживленно. Гу Чэнь, облаченная в белый парчовый халат и с традиционной прической даоса, размышляла, не стоит ли выбрать другое, менее людное место, как вдруг ее заметил хозяин. Он тут же подошел, заискивая и приглашая войти:

— Господин, вина налить?

Гу Чэнь протянула ему горлянку, улыбнувшись:

— Благодарю.

— Сейчас, сейчас, подождите минуточку, — взяв горлянку, направился к стойке хозяин.

Гу Чэнь села среди шумной толпы, размышляя о том, что сегодня ей предстоит сделать княжне иглоукалывание. Лекарства принимались уже несколько дней, и сейчас как раз подходящее время для процедуры. Ее золотые иглы, вымоченные в лечебной ванне целую неделю, наконец-то будут использованы. Однако ее мысли прервались громкими разговорами вокруг.

— Слышали? В доме канцлера случилось нечто! — кто-то нарочито загадочно произнес.

— Что случилось? Да что угодно может быть! Сына канцлера наказали семейным уставом, и он до сих пор стоит на коленях в родовом храме!

— Откуда ты знаешь?

— Его слуга, выходя за лекарствами, проболтался, — говорящий явно гордился собой. — Мой двоюродный брат был рядом и услышал.

— Эх, канцлеру тоже нелегко, — кто-то вздохнул. — Не то чтобы его сын был безнадежно влюблен, но ведь это брак по указу императора! Чего добивается, наказывая сына? Если он его убьет, это только поможет влюбленным воссоединиться.

— Жаль, — послышался чей-то голос. — Быть мужем княжны тоже нелегко. У канцлера только один сын, и кто-то должен продолжить род. А с ней, по-моему, шансов мало!

Гу Чэнь, постукивая пальцами по столу, на мгновение замерла, услышав слова «муж княжны», но затем продолжила равнодушно полуприкрывать глаза, ожидая своего вина. Когда хозяин вернулся с горлянкой, она слегка подняла руку, улыбнувшись:

— У вас здесь оживленно.

Хозяин засмеялся, пытаясь отшутиться:

— Маленькая таверна, соседи заглядывают. Прошу прощения за шум.

На его лбу выступил пот. Он помнил, как эта женщина спрашивала его о проспекте Дунда, а сегодня, в своем нарядном парчовом халате, она выглядела еще более загадочно. Хозяин все больше запутывался в догадках о ее личности и боялся лишний раз открыть рот.

Человек из мира бродяг, связанный с императорской семьей — явно не из тех, с кем стоит связываться!

— Я напомню им, что вино и мясо — это одно, а дела императорской семьи — другое, — хозяин

поднял рукав и налил Гу Чэнь чашку вина. — Попробуйте, это новое вино из нашего заведения.

Гу Чэнь поднесла чашку к носу, вдохнула аромат и кивнула:

— Неплохо, хорошее вино. Хозяин, боюсь, вы ошибаетесь. Я просто прохожая, и мне просто интересно послушать о муже княжны. Впервые здесь, хочется узнать что-то новое.

Хозяин сглотнул, осторожно посмотрев на Гу Чэнь, пытаясь понять, что она имеет в виду. Он много лет держал таверну у стен императорского дворца и знал, что можно говорить, а что — нет. Он также знал, с кем можно говорить прямо, а с кем нужно быть осторожным. Сейчас перед ним стояла женщина в белом парчовом халате, совсем не похожая на ту, что впервые появилась здесь в старой серой одежде. В ней чувствовалась некая отрешенность, и хозяин ругал себя за то, что не сразу разглядел в ней неординарную личность. Она явно не была простым человеком, и раз уж она интересовалась проспектом Дунда, возможно, она была одной из тех знаменитых целительниц, о которых ходили слухи?

Боже, это было серьезно!

— Что вы, это не такая уж важная новость. Мы, простые люди, просто болтаем за чаем, это все из разряда «жаль, да», — хозяин уселся поудобнее и начал рассказывать.

Это была всего лишь обычная сплетня, которую знали все жители у стен императорского дворца. Княжна с проспекта Дунда пользовалась огромной благосклонностью императора. В столь юном возрасте она получила собственное поместье, что было неслыханно. К тому же она была невероятно красива, и, казалось бы, должна была стать объектом внимания всех знатных семей. Однако она была словно хрупкая бумажная красавица, которая падала от малейшего дуновения ветра. Поэтому те, кто думал о будущем, старались держаться от нее подальше. Хотя она и пользовалась огромной милостью императора, но муж княжны не мог заниматься политикой — это был непреложный закон. Что, если, женившись на этой болезненной княжне, он потеряет все свои перспективы? Кто из знатных семей, обладающих властью, согласится на такое?

Но нашелся и глупец — младший сын канцлера, Вэнь Ци. Говорят, что на одном из дворцовых банкетов он, увидев княжну, влюбился в нее с первого взгляда. Хотя княжна была болезненна, она обладала невероятной красотой, и с тех пор Вэнь Ци был полностью поглощен ею. Он самовольно попросил императора издать указ о их браке. Канцлер тогда был против, но раз указ был издан, а сын был так влюблен, он мог только надеяться, что здоровье княжны улучшится или что свадьба будет отложена как можно дольше, а лучше бы вообще отменилась.

Княжна была прекрасна, но ее жизнь была недолгой! Пожертвовать карьерой наследника ради болезненной княжны — это была слишком дорогая цена за любовь!

Но после указа о браке здоровье княжны только ухудшалось, и в конце концов она оказалась прикованной к постели, словно ей оставалось жить совсем немного. Вэнь Ци, несмотря на свою любовь, каждый раз, когда приходил навестить ее, получал отказ. Свадьба также откладывалась, так как княжна не давала согласия. Многие считали, что она, зная о своем скором конце, не хотела обременить Вэнь Ци. Даже придворные врачи говорили, что ее дни сочтены, и она лишь доживает свои последние дни.

— Вэнь Ци сейчас настаивает на том, чтобы назначить дату свадьбы, — хозяин понизил голос, прикрывая рот рукой. — Но канцлер ждет, пока княжна с проспекта Дунда... — Он бросил многозначительный взгляд на Гу Чэнь, прежде чем продолжить. — ...никогда не согласится! Вэнь Ци уже три дня стоит на коленях в родовом храме, а канцлер непреклонен. Это

действительно сложная ситуация.

Гу Чэнь сделала глоток вина, почему-то вспомнив образ девушки с картины и розовый пион у ее виска. Крепкий напиток обжег горло, оставив после себя горьковатый привкус:

— Вэнь Ци влюблен. Хватит ли денег за вино?

— Да, конечно, — хозяин взял золотой слиток, который Гу Чэнь протянула ему, и почтительно поклонился. — Благодарю за щедрость.

С тыквой-горлянкой в руке Гу Чэнь вышла из таверны и направилась на восток, медленно шагая. Вэнь Ци был влюблен, но останется ли он таким же преданным, увидев женщину, изможденную болезнью? Ведь это был всего лишь мимолетный взгляд, разве можно говорить о настоящей любви? Когда-то она была невероятно красива, но что теперь?

— Молодая глава вернулась? — служанка Цин Луань, держа в руках несколько простых парчовых халатов, с теплой улыбкой обратилась к Гу Чэнь. — Княжна велела передать вам сменную одежду. Вы так много трудились в последние дни.

— Как она себя чувствует? — Гу Чэнь поставила тыкву-горлянку на стол и кивнула в знак благодарности. — Она приняла сегодня лекарство? Есть ли реакция?

— Все хорошо, — Цин Луань произнесла несколько раз слово «хорошо», и в ее голосе звучала искренняя радость. — Сегодня княжна выглядит лучше, в полдень она съела немного больше проса. Как вы и сказали, легкая пища, и она чувствует себя бодрее.

Цин Луань хотела сказать, что, возможно, если так продолжится, через некоторое время княжна даже выздоровеет.

Гу Чэнь кивнула:

— Вечером не давайте ей есть. Подготовьте лечебную ванну натошак, я уже приготовила все необходимые травы. Позже я зайду проверить.

Цин Луань согласилась и, заметив, что Гу Чэнь, похоже, хочет что-то сказать, остановилась, ожидая вопроса. Действительно, Гу Чэнь, подержав горлышко тыквы-горлянки, наконец спросила:

— Я пришла из Долины Лекарств, и многие старшие из долины лечили княжну. Но у нас есть правило: нельзя вмешиваться в методы лечения молодежи, основываясь на личном опыте. Поэтому до приезда сюда я знала не так много о состоянии княжны, — Гу Чэнь подняла глаза на Цин Луань, стоявшую рядом. — Но, судя по тому, что я вижу, ее болезнь, вероятно, не просто врожденная, не так ли?

Гу Чэнь была уверена, что яд проник в легкие Юнь Жань, и, скорее всего, это сделал кто-то из ее окружения.

Услышав это, Цин Луань не показала ни настороженности, ни защиты, как ожидала Гу Чэнь. Вместо этого на ее лице появилась печаль, а руки, опущенные по бокам, сжались в кулаки, словно в ней копилось огромное негодование, которое она не могла выразить. Это было даже тяжелее, чем когда Гу Чэнь собиралась раздеть Юнь Жань.

<http://bllate.org/book/16781/1542946>